

յիշատակ եպիսկոպոսի: Ա. Մանուչարյանը ծանոթ չէ Ալիշանի ճիշտ ընթերցմանը, փորձել է ինքնուրույն լինել և ազատազել է եզածը՝ սուց ամսոյ, յիշատակէ: Գրքում այս կոթողին վերաբերող նորությունը «Պետի Անաստաս» և հունարեն ΠΕΡΟΖ [ΑΡ]ΧΟΝΤΑΚ վիմագրություններն են, երկուսն էլ թյուր: Տեղում գրված է Ազնես ի Անաստաս, իսկ հունարենը «Պերոզ արքայի 21 տարին» նշանակել չի կարող, քանի որ հինգերորդ դարում X-ն գրվում էր Χ և ոչ իրեն երկու կիսաշրջագծերի հատում X: Այնուհետև, քարի վրա պահպանվել է միջին ելուստի հետք, իսկ այդ նշանակում է, թե գրված է եղել E: ΑΡΧΟΝΤ-ը թեք հորիզոնների հիմքն է և որն է հորիզոնական վերջավորություն շուրի, ինչպես որ շուրի նաև անհրաժեշտ հոգի՝ Այս ամենը նշանակում է, թե Մաստարայի կառույցը 480 թ. վերագրելու փորձը անտեղի է:

Ա. Մանուչարյանը հեշտությամբ վճռում է, որ Սևանի արևելյան նակատի մեծագիր արձանագրությունը շինարարական չէ (74), իսկ այդ դեպքում ո՞վ է Կողմասը, ի՞նչ է նշանակում փակագիրը, ինչի՞ համար է ողորմես-ն, ի՞նչ է նշանակում միատող արձանագրություն և այլն: Այդ նույն ձևով է լուծվում եղվարդի բաղիլիկայի հարավային պատի միատող արձանագրության, ինչպես նաև Ավանի տաճարի արևելյան պատի երկրան բնագրի շինարարական լինել-չլինելու խնդիրը: Աշխատության մեջ

չի բնված նաև ներսև կաթողիկոսի հունարեն արձանագրությունը Զվարթնոցում: Կարմրավորի հնագույն շինարարական արձանագրությունը Մանուչարյանը մեջ է բերում անհշտություններով: 2. Եահյաթունյանի վերձանության մասին ճիշտ է ասված, թե այն «առանց խիստ հողմահարված և դժվար ընթանելի վերջնամասի» է, բայց չի ասված, թե գրախոսվող գրքում բերված վերձանությունը հեղինակին չի պատկանում:

Քնդհանուր առմամբ խնամքով ապագրված ներկա աշխատությունը զուրկ է անհրաժեշտ ապարատից, որ զգալիպես կդժվարացնի նրանից օգտվելը: Զկան տեղեկատու ցանկեր, գրքում չեն ղետեղված բնություն ատնված գունև հնագույն վիմագրերի լուսանկարներ կամ գծագիր պատկերներ: Եզած ներդիր լուսանկարները սուկ նկարագրողման ղեր են կատարում, քանի որ չեն համարակալված, շարադրանքում չեն հղվում և ղետեղված են ոչ իրենց տեղերում:

Մանուչարյանի մեկագրությունը քարի ծառայություն կարող է մատուցել հայ հնագրությամբ ու նարարապետական արվեստի պատմությունը հետաքրքրվողներին, եթե հաշվի անվեն նշված վրիպումներն ու անհշտությունները:

Բանասիր. գիտ. քննաձու Ս. Ա. ԱՎԻՅԱՆ
Բանասիր. գիտ. քննաձու Պ. Մ. ՄՈՒՐԱԿԱՆ

В. М. КАБУЗАН, Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX века, М., 1976, 307 стр.

Рецензируемая книга — первое в советской историографии историко-демографическое исследование, в котором подробно рассмотрен процесс заселения Новороссии, начиная с 1719 г. вплоть до середины XIX в.

Территорию Новороссии составляла северная часть Причерноморья. История этого плодородного степного края своими корнями уходит в глубь веков. Еще в далеком прошлом здесь кочевали скифские и сарматские племена, были основаны греческие колонии, а в дальнейшем обитали печенегы, половцы и татары. На этой земле возникает знаменитая Запорожская Сечь. И лишь в XVIII в., с ликвидацией турецко-татарской опасности и присоединением края к России, появляется возможность планомерного заселения и хозяй-

ственного освоения Северного Причерноморья. История освоения Новороссии представляет большой научный интерес не только для русской и украинской историографии. В XVIII в., наряду с интенсивным заселением края русскими, украинцами и другими народами, в Новороссию в значительном количестве были переселены и армяне.

В. М. Кабузан прав, когда констатирует, что история заселения и хозяйственного освоения Новороссии недостаточно изучена нашей исторической наукой. Как дореволюционные ученые (А. А. Скальковский, Д. П. Багалеи, А. Клаус, Г. Г. Писаревский), так и советские (Н. Полонская-Василенко, Е. П. Дружинина, С. Я. Боровой, П. Б. Койфман и др.) накопили большой фактический материал, сделали немало цен-

ных наблюдений, однако в их работах эта проблема рассмотрена лишь в общих чертах. Без полного учета сопоставимости административных границ.

Существенное отличие монографии В. М. Кабузана от работ, в которых затрагивались отдельные вопросы, связанные с заселением Новороссии, — это широта историко-демографического исследования, основанного на привлечении нового, главным образом архивного, материала. Источниковедческой базой исследования В. М. Кабузана являются не только документы архивов Москвы, Ленинграда и Украины, но и работы географов и статистиков XVIII—XIX вв., печатные материалы Полных собраний законов, картографические и описательные материалы: данные ревизий, полицейских исчислений, генерального и частного межеваний.

Автор рецензируемой книги так формулирует цели своего исследования: на основании всего комплекса сохранившихся материалов проследить историю заселения Северного Причерноморья (Екатеринославской и Херсонской губерний в границах 1806 г.) за период с начала XVIII в. по 1858 г., когда в стране была проведена последняя в истории России X ревизия. Перед автором стояла задача установить губернии выхода и водворения переселенцев, их классовый и национальный состав, соотношение правительственного и народного переселенческого движения, изменения в переселенческой политике царизма в течение длительного отрезка времени.

В. М. Кабузан успешно решает поставленную задачу. Свое исследование автор начинает рассмотрением административно-территориальных границ Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII—первой половине XIX в. (20-е гг. XVIII—50-е гг. XIX вв.). В книге прослеживаются существенные изменения внутренних (погубернских и поуездных) и внешних границ Новороссии в 20-х годах XVIII—первой половине XIX в. Это необходимо автору для того, чтобы исследовать движение населения на неизменной сопоставимой территории. За основу для всего периода берется административное деление 1806 г., когда административная сетка края окончательно установилась.

Оценивая изменения административно-территориальных границ Новороссии за

весь указанный выше период, В. М. Кабузан выделяет в их истории четыре периода.

1. 20-е — начало 80-х гг. XVIII в. Характерной особенностью этого периода автор считает осторожное отношение царской администрации к уже существующим, сложившимся ранее или складывающимся структурным единицам. И все же, уже с 60-х годов XVIII в. царские власти принимают меры к созданию в Новороссии административных образований общерусского типа.

2. 80-е — первая половина 90-х годов XVIII в. (1784—1794 гг.). Этот период открывается созданием в 1784 г. Екатеринославского наместничества, радикально перекроившего административные границы старых упраздненных губерний: Азовской и Новороссийской.

3. Вторая половина 90-х годов — начало XIX в. (1795—1802 гг.) Автор характеризует эти годы как период сплошных реформ, носящих частично временный характер. Успехи в заселении Новороссии в 30-х годах XVIII в., расширение ее территории за счет присоединения Очаковской области сделали излишним сохранение в ее составе Малороссии, Слободской и Правобережной Украины.

4. Первая половина XIX в. (1802—1858 гг.). В первые годы этого периода на территории Новороссии создаются две губернии: Херсонская и Екатеринославская.

В. М. Кабузан выделяет три основных этапа заселения Новороссии. Первый начинается с 20-х годов и завершается первой половиной 70-х годов XVIII в. до начала массового заселения Северного Причерноморья после ликвидации Запорожской Сечи. Второй этап охватывает годы интенсивного заселения Новороссии: вторую половину XVIII в. (70-е годы) — 30-е годы XIX в. (1776—1834). Наконец, Северное Причерноморье рассматривается в годы спада земледельческого переселенческого движения (1836—1858 гг.).

История заселения Новороссии в указанное время исследуется со скрупулезными подробностями. Автор прослеживает движение населения края по губерниям, уездам и каждому населенному пункту. Пролелана огромная работа по обработке и обобщению большого статистического материала. В книге много ценных таблиц, которые помогают читателю осмыслить де-

мографические процессы, совершавшиеся на территории края. Из таблиц можно почерпнуть сведения (по отдельным годам) о численности и составе населения Новороссии, об изменениях в численности и размещении населения края, его национальном и сословном составе. Наконец, в таблицах приводятся данные о посевах, сборах хлеба, о количестве скота и числе предприятий и их специализациях.

Говоря о первом этапе заселения Новороссии, В. М. Кабузан справедливо отмечает, что в этот период край осваивался в основном путем народного, свободного переселенческого движения, так как число организованных властями переселений было небольшим.

После двух русско-турецких войн второй половины XVIII в. начинается новый этап в заселении и хозяйственном освоении Северного Причерноморья.

В специальной литературе вторая половина XVIII в. квалифицируется как «колонизальный» этап в истории землеустройства и освоения Новороссии. Принято считать, что, наряду с переселенцами из внутренних губерний, в освоении края большую роль сыграли иностранные колонисты. Однако автор рецензируемого труда считает колонизацию края на втором этапе его заселения преимущественно народной. По подсчетам В. М. Кабузана, в период со второй половины 70-х годов XVIII в. до первой трети XIX в. Северное Причерноморье из малоосвоенного региона, где проживало около 110 тысяч душ мужского пола, превратилось в обширную территорию с населением, превышающим 650 тысяч душ м. п. Особенно велик был прирост жителей Херсонской губернии, что во многом было связано с интенсивным заселением Очаковской области, в частности Тираспольского уезда.

Несмотря на то, что Тираспольский уезд заселялся быстрее, нежели другие районы края, однако, как верно отмечает автор, «тормозом на пути заселения и освоения» этого уезда (и всей губернии) явилось помещичье землевладение. Архивные и другие источники свидетельствуют, что в конце XVIII в. только в Очаковской области было роздано царским чиновникам до 824.374 десятин земли. Помещики же получили в общей сложности 1.634.800 десятин земли. «Таким образом, даже в Новороссии,— пишет В. М. Кабузан,— этом бы-

стро развивающемся районе с более развитыми буржуазными отношениями, феодально-крепостнические отношения серьезно задерживали развитие края. Даже в XIX в. приходилось однако расплачиваться за наследие прошлого, за массовые раздачи земель помещикам...» Известно, например, что уже в начале XIX в. вновь прибывших немецких колонистов практически негде было разместить. Поэтому правительство оказалось вынужденным покупать частновладельческие земли Тираспольского уезда, а также, где это было возможно, отрезать для них участки земель, не затрагивая при этом интересов помещиков.

Здесь возникает вопрос, в какой сопоставимости рассматривать фактически никем не регулируемое народное переселенческое движение и организованную правительством иностранную колонизацию. Автор рецензируемого труда ограничивается противопоставлением этих двух процессов: иностранные колонисты одарялись льготами и привилегиями, а крестьяне были лишены всего, и тем не менее удельный вес народной колонизации был значительно выше колонизации иностранной. Все верно, если только не учесть следующих обстоятельств. Политика иностранной колонизации, которой придерживалось русское правительство в XVIII—XIX вв., имела свои вполне оправданные политические и экономические резоны. Вряд ли Петербург после разорительных для казны двух русско-турецких войн согласился бы финансировать невыгодное для России и ее правительства мероприятие, приложив столь много сил и энергии для создания на неосвоенных землях Новороссии иностранных колоний. Наконец, надо отметить, что удельный вес иностранных колоний, в том числе армянских, в хозяйственном освоении края был достаточно высоким.

В этой связи приходится с сожалением констатировать, что в рецензируемой книге не нашло должного отражения переселенческое движение армян в Новороссии. Досадно прежде всего то, что В. М. Кабузан не использовал новейшей литературы по истории армянских колоний Северного Причерноморья. Например, если бы ему была известна монография В. Б. Бархударяна «История Ново-Нахичеванской армянской колонии (1779—1861)», в которой

имеется обширное резюме на русском языке, можно было бы более полно и точно осветить переселение армян из Крыма в Новороссию и основание армянского города-колонии Новая Нахичевань и окрестных пяти сел.

Далее. Непонятно почему, в главе, повествующей о заселении и освоении Новороссии во второй половине 70-х годов XVIII — 30-х годах XIX в., автор обходит молчанием вопрос заселения армянами Херсонской губернии. Между тем в этой же главе приводятся подробные сведения о немецких, еврейских, греческих, болгарских, молдавских и других переселенцах.

В советской историографии вопрос о заселении армянами Херсонской губернии рассматривается в двух переплетающихся аспектах: внутренне-армянском (как предпосылка и подготовка к возрождению Армении на своей исторической родине) и русско-колониационном. К концу 1791 г. из Кишин, Бендер, Каушан, Измаила и Аккермана на левый берег Днестра в Очаковскую область было переселено 4 тысячи армян. 25 июля 1792 г. (по старому стилю) близ г. Дубоссар была основана армянская колония Григориополь, в которой уже проживало 4.444 человека. В окрестностях Григориополя были расположены селения с молдавским населением Глиняная (основано в 1750 г., 36 домов, 233 души м. п.) и Делакеу (42 дома, 616 душ м. п.), а также селение Ташлык с русско-украинским населением (170 душ м. п.). Кроме того, в 1792 г. было основано два частновладельческих армянских селения — Писифовка и Васильевка.

Всех этих сведений в рецензируемой книге нет. В главе, посвященной административно-территориальным границам Новороссии, имеется лишь следующее упоминание об армянской колонии: «Указ 27 фев-

раля 1792 г. предписал построить армянский город у Днестра, между долин Черной и Черницы, под именем Григориополя для поселения там пришедших из-за Днестра армян». На этом сведения об армянском заселении Очаковской области исчерпываются. Между тем справедливость требует признать, что армяне сыграли определенную роль в заселении и хозяйственном освоении Северного Причерноморья. Удельный вес экономического развития армянских колоний Новороссии был достаточно высоким. Это определяется многими обстоятельствами, в том числе таким фактором, как отсутствие или же слабое развитие феодальных отношений в армянских колониях и селениях Северного Причерноморья.

Последнее подтверждается статистическими данными, приведенными в таблицах рецензируемой монографии. Цифровой материал таблицы № 2 (приложение) свидетельствует, что вплоть до 1817 г. удельный вес частновладельческого населения Херсонской губернии был наиболее низким в Тираспольском уезде. Что же касается Екатеринославской губернии, то Ростовский уезд сохранял свои позиции наименее заселенного частновладельческими поселенцами уезда вплоть до конца 50-х годов XIX в. Стало быть, в определенный период феодальные отношения менее всего были развиты в тех уездах Новороссии, где было сконцентрировано армянское население.

Отмеченные выше недочеты, хотя и досадные, все же носят частный характер. Книга В. М. Кабузана — ценное историко-демографическое исследование, которое не смогут обойти ни специалисты-демографы, ни историки Северного Причерноморья.

Кандидат историч. наук Ж. А. АНАНЯИ